ПРИТЧА О ДУБОВОЙ БОЧКѢ.

Выросъ въ лѣсу, въ зеленой дубравѣ, дубъ безъ малаго въ обхватъ толщины и сталъ онъ старѣться, дряблѣть. Пришелъ хозяинъ, срубилъ его и отдалъ въ руки мастеру; мастеръ распилилъ дубъ на доски, изъ досокъ подѣлалъ клепки, собралъ ихъ, связалъ обручами, вставилъ по дну въ уторы — и вышла бочка. За бочку эту люди даютъ три цѣлковыхъ, въ бочкѣ этой люди воду возятъ; на бочку кто ни посмотритъ, говоритъ, что сработана хорошо, и мастеру на славу и добрымъ людямъ на нужду, и что безъ бочки нельзя жить хозяйствомъ, нельзя жить безъ воды, а возить ее не близко, ведрами не наносишься.

Все бы это хорошо, да бочка наша какъ-то разсохлась и разсыпалась. Хозяинъ ли не доглядѣлъ, сами ль клепки промежъ собою повздорили да вмѣстѣ жить раздумали — не знаю; да только разсыпалась бочка вся. Ребятишки

растаскали обручи, стали катать ихъ по улицамъ и погонять хворостиной; клепки подъ ногами навалявшись, пошли то въ печь, то подъ лавку, а о бочкѣ и помину не стало, словно ея и на свѣтѣ не бывало.

Въ притчѣ этой рѣчь идетъ вотъ къ чему: дубъ — это православный прадѣдъ твой; клепки — все его сѣмя и малъ и великъ; обручи — честь и смиреніе и доброе согласіе, которое держитъ, и живитъ, и питаетъ односемьянъ; покуда клепки держались обручами, а цѣлая семья добрымъ согласіемъ въ одномъ кружкѣ, потуда все было хорошо, а какъ разсыпались клепки врознь, какъ не стало добраго согласія въ семьѣ, такъ всѣ пропали порознь и слуху объ нихъ не стало.

Дружно не грузно, а врознь хоть брось; двѣ головни и въ чистомъ полѣ дымятся, а одна и на шесткѣ гаснетъ.